

Юрий Князев

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-7478-6761>

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

e-mail: knjazevjurij@yandex.ru

Русские возвратные глаголы с позиции говорящего и с позиции слушающего

DOI 10.25951/4794

1. Семантическая карта рефлексивов

Как известно, возвратные (рефлексивные) глаголы и конструкции с ними (далее – РГ и РК) сочетают многообразие семантических разновидностей с их поразительной однотипностью в самых разных языках. Так, в русском языке можно различать (не всегда под теми же названиями), в частности:

а) собственно возвратные РГ:

(1) *Кусочек мыла крошечный давали, но на полу можно было собрать обмылки, и Андреев постарался **вымыться** как следует* (В. Шаламов);

(2) *Стасик воспрянул духом. **Подготовился**. Стал водить экскурсии* (С. Довлатов);

б) рефлексивно-посессивные РГ:

(3) *Удивившись, Коля Старков опустил руку, **прищурившись**, посмотрел в зал* (В. Липатов);

(4) *Гранин задумался, потом сказал: «Только все это не для печати». Я говорю: «Может быть. Я не знаю, где советские писатели черпают темы. Все кругом не для печати...». Гранин сказал: «Вы преувеличиваете. Литератор должен **публиковаться**»* (С. Довлатов);

в) автокаузативные РГ:

(5) *Андрей **спрятался** за высоким памятником, чтоб не ехать на поминки* (А. Азольский);

(6) *В сорок шестом году они летели вместе на старом «дугласе» из Кенигсберга в Ригу и там **познакомились*** (М. Рошин);

г) декаузативные (антикаузативные) РГ:

(7) *Естественно, с течением времени гласные **путались, забывались, заменялись** на другие и т. п.* (А. Зализняк);

д) потенциально-пассивные (пассивно-качественные) РГ:

(8) (...) *разговор уже вспыхнул, говорят о новой книге. Барс утверждал, что она написана изоциренно и замысловато, и в каждом слове чувствуется бессонная ночь; дамский голос сказал, что «ах нет, она так легко читается»* (В. Набоков);

е) пассивные РГ:

(9) – *Ах, – говорил Отто, – войны всегда проигрываются преступниками, а выигрываются героями* (В. Коротич);

(10) *Майор подытожил: – Старшим тройки назначаешься ты, Капитан* (В. Черкасов).

Согласно преобладающей точке зрения, собственно возвратное значение является начальной точкой семантического развития РГ, а функция выражения пассива – одной из последних. Ср. одну из предлагавшихся карт [Haspelmath 2003: 235] (еще раньше в [Genyushene 1983: 146]):

(11)
 emphatic → full → grooming/ → anticausative → potential → passive
 reflexive reflexive body motion passive

English *himself*

Classical Latin *se*

Late Latin *se*

French *se*

Italian *si*

Surselvan *se-*

Swedish *-s*

Русские РГ (добавлено мной)

2. РГ с позиции говорящего

В этом случае функции РГ устанавливаются в их отношении к соотносительным по смыслу конструкциям с исходными невозвратными глаголами (НГ), причем и РГ, и НГ рассматриваются в составе соответствующих синтаксических конструкций: рефлексивной (РК) и нерефлексивной (НК), а целью является именно значение РП, т. е. тот дополнительный смысл, который привносится в значение глагола этим показателем. Соотношение между РГ и НГ рассматривается как соотношение между семантическими ролями участников обозначаемых этими глаголами ситуаций, с одной стороны, и выражающими их синтаксическими актантами в РК и НК,

с другой, – то, что в исследованиях Петербургской (Ленинградской) типологической школы получило название диатезы.

В [Haspelmath, Müller-Bardey 2004] в аналогичном смысле используются термины «valence pattern» и «valency change». Приведу их примеры для собственно рефлексивного значения (со ссылкой на [Khrakovskiy 1981]):

transitive valence pattern:
 referents: A B
 roles: agent patient
 functions: subject object
 derived valence pattern:
 referents: A
 roles: agent patient
 functions: subject

и для декаузатива (антикаузатива):

valence pattern:
 roles: agent patient
 functions: subject direct object
 valence pattern:
 roles: patient
 functions: subject

Такой подход, при котором значение РГ известно и нужно только установить его соотношение с исходным НГ, можно назвать подходом со стороны говорящего.

3. РГ с позиции слушающего

Если же встать на позицию слушающего, которому нужно определить значение потенциально неоднозначного РГ, то ситуация оказывается гораздо более сложной. Поскольку присоединение РП практически всегда влечет за собой изменение диатезы, а оно может быть различным, адресат сообщения, чтобы понять потенциально неоднозначный РГ, должен по косвенным признакам определить диатезу РГ и ее соотношение с диатезой НГ.

Наиболее существенную роль здесь играет таксономический класс референта подлежащего РК, а именно его одушевленность либо неодушевленность (фактически же речь здесь идет о потенциальной агентивности/неагентивности референта подлежащего). Приведу в несколько модифицированном виде схему (11):

(12) собственно → автокаузативы → декаузативы → потенциально- → пассив
 рефлексивы (body motion) пассивные РГ

одушевленное П

неодушевленное П

и то, и другое

Как можно видеть из схемы (12), на семантической карте РГ отчетливо видны две границы. Одна из них проходит между автокаузативными и декаузативными РГ, обозначающими ситуации с одним участником; при этом автокаузативные РГ подобны «неэргативным» (агентивным) непереходным глаголам типа бегать, а декаузативные РГ – «неаккузативным» (пациентивным) непереходным глаголам типа гнить. Вторая граница отделяет декаузативные (и потенциально-пассивные) РГ, предполагающие неодушевленность подлежащего, от пассивных РГ, нейтральных в этом отношении.

Таким образом, для русских РГ можно выделить две основных разновидности возможной неоднозначности.

При о д у ш е в л е н н о м подлежащем пассивная интерпретация РГ конкурирует с интерпретациями из левой части семантической карты от собственно рефлексивной до автокаузативной – рефлексивных в широком смысле слова, причем предпочтительным является именно рефлексивное понимание РГ. Пассивная интерпретация в этом случае предполагает, что данное действие субъект не может произвести над собой сам. Таковы прежде всего санкции, назначения, вознаграждения и т. п.:

(13) *Сам я преследовался в 1936 году за антифашистскую деятельность и был уволен из Института гибридизации* (Д. Гранин);

(14) – *Да, раз в квартал я постоянно куда-нибудь командируюсь, – объяснил Лилин муж Игорь* (Столица 15.07.1997);

(15) *Порядок навести некому, тамада у нас за столом не избирался, речи не произносились, каждый веселился как мог* (А. Рыбаков);

(16) *Усатый майор открыл папку и неожиданно тонким голосом сообщил, что Денис Васильченко за смелость и находчивость награждается грамотой от имени городской автоинспекции* (В. Крапивин).

В соответствии со схемой (12) для РК с н е о д у ш е в л е н н ы м подлежащим актуальным является прежде всего выбор между декаузативной и пассивной интерпретациями РГ. В первом приближении разница между ними очевидна:

Passive and anticausative differ in that, even where the former has no agentive phrase, the existence of some person or thing bringing about the situation is implied, whereas the anticausative is consistent with the situation coming about spontaneously [Comrie 1985: 326].

Поэтому глаголы типа *посылать, догонять, нести, создавать, читать, пилить, лопить, рубить, резать, запечатывать, уговаривать*, в значение которых входят «agent-oriented meaning components» [Haspelmath 1993: 92]: фиксация способа действия, наличие цели, необходимость непрерывного участия субъекта в осуществлении действия и др., не могут быть исходными для декаузативных РГ [Paducheva 2001: 58–75; Testelests 2001: 434]. И наоборот, для декаузативов типично обозначение случайных изменений, которые человеком «обычно воспринимаются как ухудшение состояния объекта, частичная или полная потеря им полезных свойств» [Kustova 2004: 409]:

(17) *Я знал научного сотрудника, у которого все приборы ломались* (Д. Гранин).

Вместе с тем граница между декаузативом и пассивом может утрачивать четкие очертания в силу наличия так называемых «неавтономных» декаузативов:

Декаузативные РГ могут обозначать неавтономную микроситуацию, являющуюся частью каузативной макроситуации, когда лексическое значение основы глагола и семантический тип референта подлежащего указывают на то, что данная микроситуация не может возникнуть сама по себе [Nedyalkov, Genyushene 1991: 262].

Можно сказать, что в подобных случаях агентивная ситуация концептуализируется как неагентивная. Довольно отчетливо выделяются две типичные сферы, в которых используются «неавтономные» декаузативы.

Во-первых, это обозначение таких целенаправленных действий, в которых роль человека состоит прежде всего в их иницировании (начальном импульсе), а дальнейшее их протекание может происходить и без прямого человеческого участия. Таковы широко обсуждаемые примеры типа:

(18) *Мальчик картофелины пек, проверял прутиком: **испеклись** или нет, снова в костер их закатывал* (С. Василенко);

(19) *Женщины поставили большие котлы над огнем, и перед рассветом, когда мясо **сварилось**, в ярангу создали самых уважаемых знатных жителей Галечной косы* (Ю. Рытхэу);

(20) *Они прошли в небольшую кухню, хозяин зажёг стоявший на подоконнике огарок свечи, **заварил** чай. Пока чай **заваривался**, хозяин рассказывал о японской чайной церемонии и традициях чаепития в Китае* (П. Данилов).

Во-вторых, «неавтономные» декаузативные РГ могут служить для описания внешнего эффекта работы различных устройств, приборов, механизмов и т. п., которые фактически действуют под управлением человека, но его присутствие может быть незаметным. Так, предложение Занавес опустился описывает ситуацию с точки зрения сидящего в театральном зале, а фраза В комнате зажегся свет, как отметила Е. В. Падучева, естественнее звучит, «если описывает взгляд человека с улицы» [Paducheva 2001: 62]. В целом же заранее предвидеть все возможные условия для декаузативного представления ситуации едва ли возможно. Например, декаузатив Дверь закрылась можно употребить, в частности, и в ситуации, когда дверь закрывается под действием стихийной силы, как в примере (21), и когда у этого действия есть конкретный производитель и он известен, как в примере (22), и когда речь идет о собственных изначальных или приобретенных свойствах объекта, как в примерах (23) и (24):

(21) *Вновь повеяло коротким едва оцутимым сквознячком – **дверь** открылась и **закрылась*** (В. Рыбаков);

(22) – *Я буду у себя, – сказал он, выходя. – Позвою. Секретарша подождала, пока **дверь закрылась**, потом отодвинула кресло и села* (Ю. Домбровский);

(23) *Она повернулась и бросилась к двери, размашисто хлопнув ею снаружи. **Дверь не закрылась**, тогда, вздохнув, она вернулась и плотно прикрыла ее* (В. Быков);

(24) *Мужчина выдавил из тюбика вазелин, в двух местах аккуратно помазал щеколду. – **Закрывавай** теперь. Жека попробовал. **Дверь закрылась** безо всяких усилий, и замки повернулись легко, бархатно. – **Открывай**. С той же легкостью замки повернулись в обратную сторону* (Э. Шим).

Сказанное приводит к следующему основному выводу. Если считать деривационный подход «со стороны говорящего» к описанию РК разновидностью лексико-семантического подхода, а подход «со стороны слушающего» – преимущественно конструкционным, то очевидно, что они в данном случае должны дополнять друг друга. Так,

типичные декаузативные РГ образуются в первую очередь от глаголов типа ломать, называющих случайные изменения, которые влекут за собой негативные для человека последствия. Поэтому шнурки могут развязаться, но не могут сами завязаться, часы могут сломаться, но не могут починиться, а здание или стена может разрушиться, но не может построиться. Иначе говоря, решающую роль здесь играет значение исходного переходного глагола. С другой стороны, само употребление глагола в составе декаузативной РК – а в русском языке (с учетом особенностей образования форм пассива) это практически все сочетания неодушевленного подлежащего с РГ совершенного вида – влечет за собой его приспособление к семантике данной конструкции, ту или иную степень его «реконцептуализации» в направлении декаузативности или даже автокаузативности, как в примере (25), где механизм представлен как способный принимать самостоятельное решение, независимо от создавшего его человека:

(25) В свой первый полёт в мае 1987 года суперракета «Энергия» *отправилась* со 100-тонным «Скифом-ДМ», правда, это был ещё не боевой образец, а лишь макет (И. Сафронов).

Библиография

- COMRIE, B. (1985), Causative verb-formation and other verb-deriving morphology. In: Shopen, Th. (ed.). *Language typology and syntactic description*. Vol. 3. *Grammatical categories and the lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press. 301–348.
- GENYUSHENE, E.SH. (1983), *Refleksivnie glaloli v baltiyskikh yazikakh i tipologiya refleksivov*. Vilnius: Izd-vo Vilniuskogo un-ta. [ГЕНЮШЕНЕ, Э.Ш., *Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов*. Вильнюс: Изд-во Вильнюсского ун-та].
- HASPELMATH, M., MÜLLER-BARDEY, T. (2004), Valency change. In: Booij G., Lehmann Ch., Mugdan J. (eds.) *Morphology: A Handbook on Inflection and Word Formation*. Vol. 2. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft) Berlin: de Gruyter. 1130–1145.
- HASPELSMATH, M. (1993), More on the typology of inchoative / causative verb alternation. In: Comrie B., Polinsky M. (eds.). *Causatives and transitivity*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 87-120.
- HASPELSMATH, M. (2003), The geometry of grammatical meaning: semantic maps and cross-linguistic comparison. In: Tomasello M. (ed.). *The new psychology of language*. Vol. 2. Mahwah, NJ: Erlbaum. 211–242.
- КНРАКОВСКИЙ, V.S. (1981), Diateza i referentnost. V: *Zalogovie konstruksii v raznostruktturnikh yazikakh*. Leningrad: Nauka. 5–45 [ХРАКОВСКИЙ, В.С., Дiateза и референтность. В: *Залоговые конструкции в разноструктурных языках*. Ленинград: Наука. 5-45].
- KUSTOVA, G.I. (2004), *Tipi proizvodnikh znacheniy i mekhanizmi yazikovogo rasshireniya*. Moskva: Yaziki slavyanskoj kulturi [КУСТОВА, Г.И., *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. Москва: Языки славянской культуры].
- NEDYALKOV, V.P., GENYUSHENE, E.SH. (1991), Tipologiya refleksivnikh konstruksiy. V: *Teoriya funkcionalnoj grammatiki. Personalnost. Zalogovost*. Sankt-Peterburg: Nauka. 24-276 [НЕДЯЛКОВ В.П., ГЕНЮШЕНЕ, Э.Ш., Типология рефлексивных конструкций. В: *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. Санкт-Петербург: Наука. 241–276].
- РАДУСЧЕВА, E.V. (2001), Kauzativniy glagol i dekauzativ v russkom yazike. *Russkiy yazik v nauchnom osveschenii*. № 1. 52–76 [ЛАДУЧЕВА, Е.В., Каузативный глагол и декаузатив в русском языке. *Русский язык в научном освещении*. № 1. 52–79].

TESTELETS, YA.G. (2001), *Vvedenie v obschiy sintaksis*. Moskva: RGGU [ТЕСТЕЛЕЦ, Я.Г., *Введение в общий синтаксис*. Москва: РГГУ].

Yuriy Knyazev

Novgorod State University Yaroslav the Wise, Veliky Novgorod, Russia

Russian reflexive verbs from the perspective of the speaker and listener

S u m m a r y

The article is devoted to the study of the functions of Russian reflexive verbs from two positions: from the perspective of the speaker (lexical-semantic approach) and from the perspective of the listener (constructive approach). In the first case, the functions of such verbs are established in their relation to constructions that are correlative in meaning with the original non-reflexive verbs. If we take the position of a listener who needs to determine the meaning of a potentially ambiguous reflexive verb, then the situation turns out to be much more complicated. The decisive role here is played by the meaning of the verb.

Keywords: Russian reflexive verbs, speaker, listener, function.